

Следует отметить рост патриотических настроений в лирике В. Брюсова 1914-1916 гг. Поэту казалось, что именно в годы войны мог решиться вопрос, будет ли Россия великим европейским государством или останется полуазиатской страной. Однако в мае 1915 года поэт окончательно возвратился, глубоко разочарованный войной, не имея уже ни малейшего желания видеть поле сражения. Оценивая позже ряд своих выступлений этого периода, Брюсов писал: «Мы уже не говорим о том, что были у России, у русского общества, светлые надежды, может быть, обманчиво поданные царским правительством оказать благодетельное влияние на судьбу других стран и протянуть руку помощи другим угнетенным народам». В настроениях Брюсова происходит переворот. В письме жене он писал: «Когда война закончится, мы уедем надолго... из Москвы, во Францию или еще куда. Я это решил твердо и определенно. Этого хочу».

Николай Гумилев с воодушевлением принял известие о войне. Он добился, чтобы его, освобожденного ранее из-за зрения, приняли на службу. «В немолчном зове боевой трубы я вдруг услышал песнь моей судьбы».

Друг Гумилева Георгий Иванов вспоминал: «Ни одному мне показалось странной идея безо всякой необходимости надевать солдатскую шинель и отправляться в окопы. Гумилев думал иначе». Военным он никогда не был. 5 августа он был уже в военной форме, а 24 августа 1914 года – зачислен в лейб-гвардии уланский полк Ее Величества государыни императрицы Александры Федоровны.

Променял веселую свободу
На священный долгожданный бой.

В течение года поэт за участие в боевых операциях награжден двумя Георгиевскими крестами и за отличие в делах против германцев произведен в унтер-офицеры.

Знал он муки голода и жажды,
Сон тревожный, бесконечный путь,
Но святой Георгий тронул дважды
Пулею не тронутую грудь.

Военные стихи Н. Гумилева собраны им в вышедшей в 1916 году книге «Колчан», куда были включены стихи 1912-1916 гг. В этой книге поэт пошел по пути внутреннего углубления. Если в предыдущих сборниках, несмотря на явные и серьезные удачи, в отдельных стихах просматривалась некая условность, схематичность, которую можно определить как давление формы на чувства поэта, то в «Колчане» этого нет. Если раньше разум заставлял петь душу, то теперь душа